

Литературоведение

на пороге

XXI века

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

(МГУ, май 1997)

Москва
«РАНДЕВУ-АМ»
1998

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА РУССКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Ф.З. Канунова, А. С. Янушкевич

В.А. ЖУКОВСКИЙ НА РУБЕЖЕ ХХІ ВЕКА

На пороге ХХІ века можно без всяких оговорок сказать, что поэзия Жуковского прошла “веков завистливую даль”. Более того – бурный всплеск после юбилейного 1983 года интереса к его наследию и личности: многочисленные публикации его дневников, эпистолярия, мемуарных свидетельств, критико-этической прозы и новых поэтических текстов, переводов Священного Писания – позволил открыть нового Жуковского, почувствовать масштаб его личности и творчества, понять, что наследие Жуковского во всем его объеме (еще не всегда нами ощущаемом) – это эпоха в развитии русской культуры вообще. Великий русский поэт, “Коломб романтизма в поэзии” и “гений перевода”, автор уникальных дневников франклинового типа и замечательный русский мыслитель, религиозный философ и просветитель, воспитатель царя-реформатора Александра II и автор национального гимна России, оригинальный художник и представитель русской культуры на Западе – эти и многие другие грани его энциклопедического дарования еще ждут своего открытия и документальной конкретизации.

Попытаемся выявить и определить наиболее актуальные проблемы изучения творческого наследия и личности поэта именно сегодня, на рубеже ХХІ века.

I. Одним из важнейших вопросов по-прежнему остается проблема национального значения поэзии первого русского романтика. Еще А.Н. Веселовский, стоявший у истоков отечественной науки о Жуковском, проницательно заметил: “Для нас важно то, что Жуковский давал в чужом не только свое, но и всего себя”. Это методологическое положение позволяет видеть в стихотворениях Жуковского не “чужое” и “свое”, а оригинальный синтез новых идей и форм, говорить о программных его произведениях (элегиях,

балладах, идиллиях, посланиях, песнях) как об эстетических манифестах новой поэзии. Сама форма эстетической рефлексии, особенно отчетливо обозначившаяся в группе стихотворений 1818–1824 годов (“Явление поэзии в виде Лалла Рук”, “Лалла Рук”, “Таинственный посетитель”, “К мимопролетевшему знакомому гению”, “Невыразимое”, “Море”, “Я музу юную бывало...” и др.) обнаруживает оригинальность и масштаб творческой индивидуальности Жуковского не только в контексте романтической поэзии 1820–1830-х годов, но и русского символизма. Ведь не случайно Вл. Соловьев называл “Сельское кладбище” “родиной русской поэзии”, а А. Блок считал Жуковского своим первым учителем. Само слово символ, введенное Жуковским и занимающее такое место в его поэтическом лексиконе, определяет природу символическо-мифологического его мышления.

В этом же отношении показателен и путь Жуковского к эпосу, когда эпические образцы поэзии народов мира (и “Слово о полку Игореве”, и “Одиссея”, и “Божественная комедия”, и индийский, и персидский эпос) мыслятся как гуманистическая проповедь, способствующая сближению поэзии и прозы, национального и общечеловеческого.

Сегодня как никогда остро стоит вопрос о поэтической традиции Жуковского, о значении его открытий не только для последующей поэзии, прежде всего поэзии “серебряного века”, но и для прозы (от Лермонтова и Гоголя, Тургенева и Достоевского до А. Белого и М. Булгакова).

II. С решением этой проблемы органично связан вопрос о месте Жуковского в истории русской общественной мысли вообще, и в частности, в истории русской религиозной философии. Открытие и публикация новых материалов, связанных с кругом чтения поэта, систематизация его дневникового и эпистолярного наследия, убедительно доказывают, что первый русский романтик стоял у истоков русской религиозной философии. Его учеба в Московском Благородном пансионе неразрывно связана с идеологией позднего масонства в лице И. В. Лопухина, И. П. Тургенева, с их философией “добродетели” и “внутренней церкви”, с формой франклиновых дневников, остро поставивших задачу самоусовершенствования и “внутреннего человека”. Эта этико-религиозная концепция будет последовательно отражена в прозе и поэзии периода “Вестника Европы”, в доктрине “нравственной пользы поэзии”. Последующее обращение к философии и эстетике руссоизма, к “гению христианства” Шатобриана, к идеям Юма и образной системе немецкой идеалистической философии (Фихте, Шеллинг, Фридрих Шлегель, Гердер, Жан Поль) активизировали в его творчестве религиозную

эстетизацию искусства. Концепция “божественно служения” искусству, “гения чистой красоты”, “таинственного занавеса”, невыразимого, отчетливо заявленная в его поэтических манифестах, перерастает в идею “божественного откровения”, когда “поэзия религии сестра родная”. Позднее творчество Жуковского (его драматическая повесть “Камознс”, поэма “Агасфер”, книга “Мысли и замечания”, где выделен специальный раздел о “христианской философии”, переписка с Гоголем, последовательная публикация сочинений на страницах “Москвитянина”, общение с Киреевскими, Хомяковым, Самариным, перевод Священного Писания) обнаруживает в его мирозерцании отчетливо выраженные идеи христианской философии, и в этом смысле вопрос о его взаимоотношениях с Гоголем и Чаадаевым, славянофилами актуализирует проблему Жуковского как религиозного мыслителя, стоящего у истоков целого направления русской мысли.

III. Актуален и вопрос о месте Жуковского и его творчества в истории русской общественной мысли вообще. Теперь стало особенно ясно, сколь значим был для русской культуры нравственный облик Жуковского, учителя и воспитателя целого поколения в русской литературе, ее “ангела-хранителя”. История его отношений с декабристами и Герценом, Пушкиным и Лермонтовым, Баратынским и Кольцовым, Гоголем и Шевченко, с многочисленными деятелями русской культуры проясняет масштаб его общественных деяний, природу его просветительства и своеобразие его монархизма. Его встречи и беседы, переписка с виднейшими деятелями европейской общественной мысли, в том числе штудирование сочинений Гизо, Шатобриана, Жомини, Сильвио Пеллико и др. позволяют расширить представление о характере русско-европейских общественных и литературных связей. Нельзя забывать об оригинальной педагогической системе Жуковского, опирающейся на все наследие европейского просветительства (от Фенелона и Руссо до Песталоцци и Арндта). И уж, конечно, в этом же контексте переводческая деятельность Жуковского, его “русский Шиллер”, “русский Гете”, “русские Байрон и Вальтер Скотт”, “Уланд и Гебель” обретут необходимый историко-литературный и общественный масштаб. Эстетические размышления Жуковского, опирающиеся на все наследие европейского романтизма и как бы перелагающие его на язык русской культуры, неслучайно появлялись на страницах популярных изданий, таких, как “Полярная Звезда” и “Вестник Европы”, “Московский телеграф” и “Москвитянин”. Эстетика и критика Жуковского становилась органической частью русской общественной мысли.

Вот уже в течение двадцати лет кафедра русской и зарубежной литературы Томского университета стала поистине научным центром

по изучению Жуковского. Трехтомная коллективная монография “Библиотека В.А. Жуковского в Томске” (1978–1988), удостоенная Государственной премии России в области науки за 1991 год, четыре монографии о различных аспектах творческой деятельности поэта и около ста статей, семинарий по Жуковскому, “Эстетика и критика”, “Жуковский в воспоминаниях современников”, “Дневники Жуковского” – все это этапы того большого труда, который проделан коллективом вузовской кафедры. Всматриваясь в этот процесс постижения Жуковского, сегодня можно подвести и некоторые итоги, и наметить реальные перспективы.

Трехтомная монография “Библиотека Жуковского в Томске” не случайно стала точкой отсчета для дальнейших исследований. Именно здесь выработывалась методология подхода к наследию поэта. Разнообразный материал помет Жуковского, включающий и целые этико-философские трактаты, и эстетические этюды, и творческие замыслы, спроецированный на творческое наследие поэта, убедительно доказал необходимость и важность *системного* подхода к изучению его творческой эволюции. Библиотека поэта, круг его чтения позволили конкретизировать *динамику* самого творческого процесса, наглядно увидеть его мировоззренческие установки. Так, пристальный интерес молодого Жуковского к проблемам морали – выражение его гигантской работы по самоусовершенствованию, путь к психологической лирике.

Глубокое и целенаправленное чтение и штудирование в 1805–1810 годах сочинений европейской эстетики и созданный на основе этого чтения “Конспект по истории литературы и критики” позволяют ощутимее почувствовать процесс перестройки художественного сознания молодого поэта, его путь к философии “внутреннего человека” и поэтике “театра страстей”. Системное исследование этого процесса, через синтез читательских помет, экстрактов, планов, конспектов, статей для “Вестника Европы”, редактором которого в 1808–1810 годы становится Жуковский, дает возможность увидеть истоки нового мирозерцания автора баллад – этих “маленьких драм” и философских, этюдов на темы преступления и наказания, борьбы человека с судьбой и его самостояния.

Уроки исследования библиотеки поэта разнообразны:

1) стала очевидной энциклопедическая масштабность интересов поэта, его глубокая увлеченность проблемами философии, психологии, общественно-политической мысли, педагогики и воспитания, эстетики и религии. Круг чтения Жуковского самого разного времени – от 1800-х до 1840-х годов, – выявляет динамику этих интересов и их связь с поэтическими поисками Жуковского – элегика и балладника, идиллика и автора поэм, драматических

опытов, эпика и прозаика, критика и публициста, с деятельностью религиозного философа и просветителя;

2) осмысление круга чтения как динамической системы выявило неразрывную связь Жуковского-поэта и мыслителя, показало характер романтического жзнетворчества и жзнестроительства. Так, многочисленные свидетельства интереса поэта к событиям Великой французской революции, к личности Наполеона, к революционным процессам 1848 года, очевидцем которых был он сам, и к сочинениям французской романтической историографии (Гизо, Тьерри, Барант, Минье и др.) позволяют говорить о сложной системе взглядов Жуковского, о своеобразии его оппозиционности, и об оригинальности творческих синтезов;

3) наблюдения над теорией и практикой переводческой деятельности Жуковского, следы которой запечатлены на страницах принадлежавших ему книг (новый обнаруженный перевод "Романсов о Сиде", наброски первых терцин перевода "Божественной комедии" и первых строк "Потерянного рая" Мильтона, драматических отрывков из Шиллера, Вернера, Софокла), конкретизируют сам процесс переосмысления источника перевода, включения его в различные новые контексты, эксперименты над формой и стихом. Можно и далее конкретизировать уроки этой своеобразной и плодотворной коллективной работы, давшей свои результаты в других трудах представителей томской филологической школы.

Стало несомненным одно: стереотип восприятия Жуковского как реакционного романтика, как поэта лишь первых десятилетий XIX века, как придворного поэта разрушен раз и навсегда. Всякие рецидивы возвращения к подобному стереотипу вряд ли сегодня уже могут кого-либо удовлетворить.

Активизация интереса к творчеству Жуковского, пик которой падает на конец 1980-х – начало 1990-х годов (кроме трудов представителей томской школы здесь необходимо назвать биографическую книгу В. Афанасьева "Жуковский" в серии ЖЗЛ, монографию Р.В. Иезуитовой "Жуковский и его время", работы Ю.Д. Левина о Жуковском-переводчике, главу из книги В.Э. Вацура об элегической поэзии Жуковского и работу о балладах Жуковского А. Немзера, серьезные исследования немецких славистов, прежде всего Хильдегард Эйхштад и Герхарда Дичриха, обращение к творчеству Жуковского С.С. Аверинцева и Ю.М. Лотмана и т.д.), со всей очевидностью свидетельствует о том, что пришло его время.

В сегодняшних размышлениях о судьбах русской религиозной философии и русской идеи, о генезисе поэзии "серебряного века", о месте и значении перевода в национальной культуре, о соотношении национального и общечеловеческого наследия первого русского

романтика занимает свое вполне определенное и значимое место. Достаточно сказать, что собранные вместе дневники, письма-дневники и записные книжки (объемом около 100 п. л.), отражающие почти пятьдесят лет его жизни, являются и своеобразной летописью русского и во многом европейского общественного и литературного процесса 1800–1840-х годов. И это лишь одно свидетельство и подтверждение того, что особо на рубеже ХХI века назрела потребность в систематизации всего творческого наследия Жуковского, а точнее – издания Полного собрания его сочинений.

Сейчас в Томском университете подготовлена почва для издания Полного собрания сочинений Жуковского, систематизировано “поэтическое хозяйство” Жуковского, составлены картотеки его переписки, библиография литературы о нем, выработаны определенные принципы в процессе работы над изданием его эстетики и критики, дневников, его читательских конспектов.

Предполагаемое издание будет состоять из 20 томов, из которых семь будут содержать его стихотворные опыты, 8-й – впервые собранные вместе драматургические опыты, 9–15 – прозаические, начиная от пансионских опытов 1797–1800 годов до поздней публицистики, в том числе прозаические переводы, том эстетики и критики, два тома дневников, наконец, пять томов (16–20) отведено эпистолярно Жуковского, наиболее сложной для издания части его наследия из-за своей несобранности и слабой текстологической подготовки (купуры, искажения и т. д.).

Подобная структура издания позволяет осуществить его двумя сериями: стихотворные тексты (т. 1–8) и прозаические (т. 9–20), с параллельной подготовкой и выходом в свет очередных томов. Издание рассчитано на 1997–2007 годы.

Говоря о типе и характере издания, необходимо сразу заметить, что оно будет по возможности полным, насколько это сегодня реально (достаточно сказать, что количество новых текстов будет значительно и составит четверть издания; много будет существенных уточнений в комментариях, связанных с историей текста, источниками перевода и т. д.), но вряд ли оно сможет претендовать на академическое.

Само сегодняшнее состояние текстологии Жуковского (разбросанность текстов по разным архивам, неясность характера последнего, пятого, прижизненного СС, имеющего ряд существенных ошибок в текстах, датировке), отсутствие прижизненного издания целого ряда текстов, находящихся в архивах и требующих обоснования датировки, установления источника перевода, наконец, просто наличие вариантов, редакций, белых автографов все это не позволяет по возможности Полное собрание сочинений Жуковского сделать академическим.

Задача авторского коллектива – подготовить материалы для будущего подобного издания уже в XXI веке. И в этом смысле вся деятельность кафедрального коллектива и добровольцев из других научных центров, занимающихся Жуковским, направлена на решение этой важной проблемы.

А. А. Смирнов

ЛИРИКА А. С. ПУШКИНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ XX ВЕКА

Основные достижения в изучении лирического наследия Пушкина приходятся на вторую половину XX века. Публикации XIX века должны быть отнесены к полубиографическим – полулегендарным сведениям. В капитальных трудах П. А. Плетнева, П. В. Анненкова, П. И. Бартенева, В. П. Гаевского, Я. К. Грота представлены обширнейшие своды фактов, образующие подготовительные материалы для дальнейших исследований. Текстологическую и комментаторскую деятельность Г. Н. Геннади и П. А. Ефремова успешно продолжили члены Пушкинской комиссии Академии наук – Л. Н. Майков, В. Е. Якушкин, П. О. Морозов. Из двенадцати задуманных томов Полного собрания сочинений вышло с 1899 года только пять, тексты лирических произведений там были опубликованы с особой тщательностью. Систематически в академическом собрании сочинений были представлены варианты большинства текстов, обширен привлекаемый дополнительно свод материалов, предназначенных для всестороннего комментария. Если в академическом издании лирика была доведена только до 1827 года, то в Собрании сочинений под редакцией С. А. Венгерова в комментариях освещаются вопросы поэзии Пушкина до 1830-го. Последнее издание стало своеобразной пушкинской энциклопедией начала XX века, сохраняя свое фактологическое значение до наших дней. Но одновременно оно наглядно продемонстрировало разрыв между фактологическим и проблемным изучением лирики Пушкина, разрыв, который ощущается в науке и по сей день.

Уже в начале XX века в изучении и истолковании текстов Пушкина столкнулись две противоборствующие тенденции – академическая в лице В. В. Сиповского и Н. А. Котляревского, придерживавшихся сугубо историко-литературных штудий, и абстрактно-философская, представленная Д. С. Мережковским, М. О. Гершензоном, Вяч. Ивановым, К. Бальмонтом. Первая осталась гла-